

УДК 655.11

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Особенности читательской аудитории в контексте корейской книгопечатной культуры раннего Чосона (XIV–XVI века)

М. А. Витченко

*Новосибирский государственный университет, МАУК МКЦ «Сибирь-Хоккайдо»
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Изучение истории книгопечатания в Корее не может считаться полным без детального рассмотрения состава читательской аудитории, поскольку именно наличие потребителя печатной продукции придает смысл всему книжному делу. Ознакомление с социально-экономическим и культурным контекстом первой половины эпохи Чосон позволяет выявить некоторые черты, характерные для дальневосточного региона. Довлеющая роль конфуцианства обуславливала «двуязычие» издаваемой книжной продукции. После изобретения национальной письменности читательская аудитория «высокой» литературы, написанной на китайском языке, и «низкой», написанной на корейском, различалась не только по социальному статусу, но и по гендерному составу. Отсутствие сформированного книжного рынка при высоком спросе оказывало влияние на социальный состав читателей, поскольку приобретение книг было приравнено по значимости к покупке редких материальных ценностей. Данное обстоятельство создавало ореол элитарности вокруг книжной продукции.

Ключевые слова

Книгопечатание, книжное дело, читательская аудитория, Чосон, конфуцианство, *янбан*

Для цитирования

Витченко М. А. Особенности читательской аудитории в контексте корейской книгопечатной культуры раннего Чосона (XIV–XVI века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 90–98. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Features of Korean Book Culture Readership of Early Joseon (XIV–XVI Centuries)

Maria A. Vitchenko

*Novosibirsk State University, Municipal cultural center “Siberia-Hokkaido”
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study of printing history in Korea, like in any other country, cannot be considered complete without a detailed consideration of the readership, since the presence of the consumer of printed books gives meaning to the whole cycle of the book business. Review of the socio-economic and cultural context of the first half of the Joseon period makes it possible to identify certain features of the Far Eastern region. The dominant role of Confucianism created conditions for

© М. А. Витченко, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies

the “bilingualism” of published book products. After the invention of national writing, the readership of “high” literature written in Chinese, and “low”, written in Korean, differed not only among social positions but also between genders. Hanmun literature remained the prerogative of men of the noble class (*yangban*), while most women of the same class read stories, novels and other books published in Korean.

The main part of the readership was represented by an educated noble stratum – the *yangban*. In the time of the Joseon kingdom, this class was the main producer and consumer of knowledge and culture as aristocratic scientists made up only about 10% of the Korean population. Another literate social group, roughly equal in numbers, was the *jungin* class (literally “middle man”). They were usually “technical experts” – translators, scribes, astronomers, accountants, doctors, lawyers, and musicians. This class also included provincial officials of the lower ranks. The lack of a formed book market with sufficiently high demand also exerted a unique influence on the social composition of the readers, since the acquisition of books was equated to the acquisition of rare material values, which created an aura of elitism and high significance around book production and all its related phenomena and processes.

Keywords

Book-printing, book business, reader, readership, Joseon, Confucianism, *yangban*

For citation

Vitchenko M. A. Features of Korean book culture readership of early Joseon (XIV–XVI centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 90–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-90-98

Первые годы правления династии Ли (период Чосон, 1392–1910) в Корее были ознаменованы продолжением борьбы за укрепление власти Ли Сонге (вана Тхэджо), ослаблением роли корёской аристократии и повышением роли служилого сословия, в связи с чем была учреждена новая система управления чиновничеством.

С приходом к власти новой династии начался процесс перераспределения земли и других источников доходов, исходя из способностей каждого представителя служилого сословия. Активная деятельность на благо государства позволяла достичь тогда высокого положения. Это было хорошим стимулом для проявления личной инициативы [Курбанов, 2009. С. 142].

При подборе государственных чиновников в то время обязательно учитывалась степень образованности претендента. При этом основным условием получения хорошей должности было, прежде всего, безупречное знание конфуцианского канона и полное соответствие ему. Среди пяти этических норм конфуцианства образованность (知 кор. *чи*) имела особое значение, поскольку считалось, что только обладавшие знанием люди могут постичь смысл гуманности, истины и справедливости. Именно поэтому образование изначально понималось как важнейшая составляющая всей конфуцианской системы. В связи с этим выдающийся корейский философ Чо Гванджо (趙光祖, 1482–1519) указывал, что человек, даже являясь носителем прекраснейших душевных качеств, непременно обязан приобщаться к науке¹. Очевидно, что перед обществом уже тогда со всей остротой стоял вопрос о необходимости знаний и стремлении к наукам.

Духовная жизнь эпохи Чосон опиралась, в основном, на конфуцианство, постулаты которого, в основном, касались освящения государственной и публичной власти. Его четко сформулированные этико-поведенческие нормы, предусматривавшие беспрекословное подчинение младших старшему, а подданных – государю, весьма импонировали правящей элите и соответствовали интересам господствующего класса.

¹ Корнеева, 2009. Представления об образовании и учености в корейской литературе периода Чосон: 1392–1910. URL: <http://www.dissercat.com/content/predstavleniya-ob-obrazovanii-i-uchenosti-v-koreiskoi-literature-perioda-choson-1392-1910#ixzz3SMu3kt9L> (дата обращения 14.03.2018).

Окончательному становлению в Корее конфуцианства как официальной идеологии способствовало введение государственного экзамена *квэго* в 958 г. Экзамен проходил ежегодно, а иногда один раз в два-три года. Важнейшими экзаменационными предметами были древнекитайский язык, конфуцианские каноны, классическая философия и история. Чиновники должны были показать знание конфуцианских догм, открыв тем самым дорогу к служебной карьере. На основании результатов *квэго* чиновник мог рассчитывать на получение очередного ранга, а значит – на продвижение по службе. В связи с этим конфуцианство стало играть еще более важную роль в системе образования феодальной Кореи [Пак Хису, Толстокулаков, 2005. С. 39].

На рубеже XIV–XV вв. с приходом к власти династии Ли конфуцианство стало не только государственной идеологией, но и официальным религиозным культом. С этого момента и вплоть до конца XIX в. вся общественно-политическая и социальная система Кореи регулировалась исключительно конфуцианской традицией².

В соответствии с одним из ключевых положений функциональной концепции книговедения, разработанной отечественными учеными А. И. Барсуком, И. Е. Баренбаумом [Баренбаум, 1986; Барсук, 1971], исследование истории книжного дела в любом регионе будет неполным без анализа читательской аудитории, иными словами – потребителей книжной продукции. Для этого необходимо проанализировать гендерную, возрастную и социальную принадлежность читающего населения в первой половине эпохи Чосон.

Корейское общество XV–XIX вв. в южнокорейской историографии принято характеризовать как «общество *янбанов* и чиновников» (*янбан гваллё сахве*) в противоположность корейскому «обществу аристократии» (*квиджок сахве*). Очевидно, под новой характеристикой корейского общества позднего средневековья и начальным периодом Нового времени имеется в виду большая социальная мобильность правящего класса Чосон по сравнению с эпохой Корё (X–XIV вв.).

Основную часть читательской аудитории представляла образованная благородная прослойка – *янбан* (букв. «[представители] двух групп», то есть гражданские и военные чины). Во времена королевства Чосон этот класс был основным производителем и потребителем знаний и культуры. При этом ученые-аристократы составляли около 10% населения Кореи [Nahm, 1996. P. 102].

Понятие *янбан* объединяло представителей гражданского или военного чиновничества. Независимо от того, был ли занимаемый чиновником пост гражданским или военным (первый считался более престижным, чем последний), *янбан* был, по сути, литератором. Он должен был занимать общественную должность, следовать конфуцианской доктрине посредством ее изучения и самосовершенствования, а также помогать культивировать моральные стандарты общества Чосон³.

Определяющей характеристикой представителей класса *янбан* в эпоху Чосон были его научные знания и устремления – в частности, интерес к конфуцианской классике и неоконфуцианской мысли. Многочисленные тексты, написанные членами этого класса, дают представление о книгах, которые они изучали, новых идеях, которые они разрабатывали, о том, как они рассуждали и как формировали государственную политику. Их работы неизменно были написа-

² При этом буддизм после прихода к власти династии Ли все же не утратил своего влияния на духовную сторону жизни народа. Гонения на буддизм не имели под собой идеологических причин, закрытие монастырей было вызвано желанием сократить их экономическую мощь. Несмотря на сокращение числа монастырей и понижение статуса монахов, памятники буддийской мысли появлялись и в XV–XVI вв. Поэтому тема буддийской литературы в рассматриваемый период требует отдельного детального исследования.

³ Lee Soyoungh. *Yangban: The Cultural Life of the Joseon Literati*. Department of Asian Art. The Metropolitan Museum of Art. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/yang/hd_yang.htm (дата обращения 06.03.2018).

ны на классическом китайском языке, предпочтительном способе изложения мыслей учеными людьми даже после создания корейского алфавита хангыль в 1443 г.⁴

Другой грамотной социальной группой был класс 中人 *джунин* (букв. «средний человек»), составлявший небольшую, но важную прослойку. Представители этого класса стояли на социальной лестнице ниже янбанской знати, но выше простых людей. Они обычно были «техническими экспертами» – переводчиками, писцами, астрономами, бухгалтерами, врачами, юристами и музыкантами. К этому классу также относились низшие провинциальные чиновники, которые следили за проведением бюрократических процедур на местах [Seth, 2010. P. 167; Kim, 2005. P. 95]⁵.

Таким образом, бюрократия в эпоху Чосон формировалась в процессе постоянного развития навыков в чтении, письме и анализе текстов на литературном китайском языке. Грамотность стала основным средством для вступления в ряды людей, которые стремились сформировать государство в неоконфуцианском стиле. Корейское общество той эпохи отличалось непрерывной «борьбой за грамотность». Анализ системы экзаменов на государственную должность показывает, каким образом различная степень образованности и владения литературным китайским языком способствовали продвижению кандидатов по карьерной лестнице. При этом королевская администрация должна была действовать осторожно, чтобы ограничить конкуренцию среди элиты, имеющей доступ к формальному образованию, поскольку многие социальные группы были исключены из системы экзаменов кваго по социальной и гендерной принадлежности [Cadavid, 2012. P. 12].

Образованность и начитанность были присущи не только чиновникам разных рангов, но и монархам. Некоторые из них достигли особых высот не только в получении, но также в производстве и пропаганде знаний. Так, ван Седжон считается в корейской историографии самым образованным монархом Чосона. Согласно королевским хроникам, рассказывающим о периоде его правления, Седжон сам читал классические конфуцианские произведения каждую свободную минуту, даже ночью, что привело его к тяжелой болезни глаз. Он также часто присутствовал на общих собраниях с представителями знати, где разъяснял им «Тэхак ёный» (大學衍義) – «Аналитический комментарий к «Великому учению» (кор. Тэхак, кит. 大學 Да сюэ), написанный в Китае в эпоху Сун (960–1279). Подавая пример своим приближенным, ван Седжон также изучал современный ему разговорный китайский язык, чтобы свободно общаться с посланниками из Поднебесной [Кан, 2015. С. 59].

Развитие идей просвещения считалось главным достижением эпохи Чосон. Конфуцианское образование представляло собой систему, при которой в столице и провинциальных центрах существовала сеть специальных учебных заведений. Практически все они занимались воспитанием своих подопечных в духе конфуцианской морали и этики, готовили кадры для государственного аппарата.

Наиболее значимыми в системе образования были такие учебные учреждения, как конфуцианская академия Сонгюнгван – столичное высшее учебное заведение, школы *сахак* – средние учебные заведения в Сеуле, *хянгё* и *совон* – средние учебные заведения в провинциях и *содан* – школы начального уровня, находящиеся в любом населенном пункте. Кроме этого, существовали специальные учебные заведения, созданные для обучения представителей ко-

⁴ Там же.

⁵ Судя по косвенным данным, их число составляло не более 10% от всего населения страны. В целом, доля всех грамотных людей в первой половине эпохи Чосон не превышала 20%, поскольку число свободных крестьян (сословие *санмин*) достигало приблизительно 80% от всего населения страны [Seth, 2010. Pp. 165–167; Nahm, 1996. Pp. 100–102].

ролевской семьи и чиновников, а также специализированные учебные заведения для лекарей, переводчиков, юристов, художников и математиков ⁶.

Следует отметить, что все упомянутые школы и академии предназначались для свободных людей, преимущественно благородного происхождения. При этом получение образования во многом оставалось мужской привилегией.

Уровень мужской грамотности был, несомненно, выше женской. Женщина фактически принадлежала мужчине, ее приоритетами были забота о муже, доме и детях. Большинство девочек из благородных семей умели читать и писать, но мальчики и девочки при этом учились раздельно. При этом девочки получали только те знания, которые были нужны в будущей семейной жизни.

Примечательно, что уровень женской грамотности был мало связан с конфуцианством – он определялся характером национальной корейской письменности [Ebrey, Walthall, 2014. P. 264]. *Хангыль* долгое время игнорировался мужчинами из прослойки образованной знати, поскольку считался простонародным, «низким» письмом. Женщины же утоляли свою интеллектуальную жажду, читая романы и другие популярные литературные произведения, написанные на родном языке *хангыль*.

Следует отметить, что его изобретение сыграло заметную роль в культуре Чосона. Ван Седжон при введении национальной письменности *хангыль* руководствовался не только амбициозными, но и нравственными соображениями. Он заявил, что новое письмо предназначено исключительно для воспитания простолюдинов. Можно предположить, что истинная цель создания *хангыля* преследовала политические мотивы, поскольку за этим стояло намерение укрепить королевскую власть путем культурного отделения от Китая. Тем не менее, новая письменность действительно повысила уровень грамотности среди простых людей, особенно среди женщин. Это означало, что литература могла охватить гораздо более широкую аудиторию, чем раньше, тогда как в период Корё (918—1392 гг.) чтение было доступно только избранным, владеющим китайской грамотой. По мере того как новый алфавит постепенно набирал популярность, стали появляться романы и стихи, написанные только на *хангыле*. Эти произведения были нацелены на читателей из среды простолюдинов ⁷.

Развитие печатных технологий в корейской культуре предполагало изготовление книг разными способами. В силу разных причин они могли быть напечатаны при помощи подвижного шрифта, изготовлены в виде оттисков с деревянных блоков. Наряду с этим, книги распространялись и в рукописном виде. Выбор способа печати определялся экономическими факторами (включая стоимость выпуска тиража, затраты на печать), временными рамками и характером целевой аудитории.

Во времена Чосон книги, напечатанные металлическим шрифтом, были доступны только дворянам и судебным чиновникам, живущим в Ханьяне. Простолюдины, жившие в провинциальных районах, использовали рукописные книги и издания, напечатанные с помощью деревянных блоков.

В рассматриваемый период издаваемая литература была ориентирована на читателей различного социального статуса, пола и возраста. На основании массива дошедших до нас источников есть возможность разделить жизнь корейского общества эпохи Чосон на несколько крупных сфер, требовавших фиксации и передачи знаний. Автором предлагается следующая классификация, суть которой состоит в соотношении тематической и видовой классификаций

⁶ Корнеева И. В. Представления об образовании и учености в корейской литературе периода Чосон: 1392–1910. URL: <http://www.dissercat.com/content/predstavleniya-ob-obrazovanii-i-uchenosti-v-koreiskoi-literature-perioda-choson-1392-1910#ixzz3SMY3kt9L> (дата обращения 14.03.2018).

⁷ Lee Yongik. Korean Society depicted in its Folklore – Goryeo and Joseon period. URL: <https://www.zum.de/whkmla/sp/0607/yongik/Yongiklee.html#intro> (дата обращения 07.03.2018).

на основе содержания издания. Так, весь массив средневековых корейских изданий можно структурировать следующим образом:

- 1) **художественные издания**, куда относятся собственно художественная литература.
- 2) **общественно-политические издания**, включающие в себя трактаты, связанные с политикой, устройством государства; работы в области уголовного и государственного права; конфуцианские трактаты и буддийские сочинения.
- 3) **научные издания**, представленные трудами по географии, картографии, землеописаниями; медицинскими трактатами; трактатами по искусству.
- 4) **производственно-технические издания** – работы по военному делу; трактаты по экономике; инструкции по ведению сельского хозяйства.
- 5) **учебные издания** в виде учебников по китайскому языку; произведений для преподавания этики, этикета, норм морали.
- 6) **справочные издания**, как то астрономические календари, справочники рифм китайского языка.
- 7) **официально-документальные издания**, представленные историческими сочинениями.

В ряде случаев наблюдается корреляция научных и производственно-технических изданий, справочной и учебной литературы.

Так, конфуцианская классическая литература была предназначена, в первую очередь, для образованных людей благородного класса. Дворяне читали конфуцианские книги (такие, как «Семь китайских классиков») и различные исторические сочинения. Женщины и простолюдины увлекались развлекательными фантастическими историями, а также назидательными конфуцианскими книгами – такими, как «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей» (三綱行實圖 *Самган Хэнсилдо*⁸) и «Четверокнижие для женщин» (女四書 *Ёсасо*⁹). Для детей предназначались такие шедевры просветительской литературы старого Китая, как «Тысячелюбие» (千字文 *Чхонджамун*¹⁰) или «Малая наука» (小學 *Сохак*¹¹)¹² и др.

Несмотря на то, что китайский язык был письменным языком знати, в эпоху Чосон внимание уделялось также изучению разговорного китайского языка. Эти знания были необходимы во время дипломатических миссий и торговых поездок, поэтому навыки живой коммуникации были важной частью программы в некоторых специальных учебных заведениях. Студент, освоивший учебник «Старый китайский язык» (老乞大 *Ногольдэ*¹³), мог перейти к пособию «Почтовая станция семьи Пак» (朴通事 *Пактхонса*¹⁴), составленному на более высоком уровне.

⁸ Поучительные биографии из китайской и корейской литературы на образцы верного подданного, почтительного сына и преданной жены, год издания – 1481.

⁹ Издание включало назидательные сочинения «Наставления для женщины», «Женский литературный сборник», «Домашние уроки» и «Образцовое поведение для женщины».

¹⁰ Классический китайский мнемонический текст просветительского характера, используемый с VI в. для обучения детей и заучивания иероглифов. Широко известен в Корее и Японии. (Подробнее см. [Войтишек 2011. С. 100–102; Войтишек, Зайкина, 2003]).

¹¹ Ритмизованные и зарифмованные учебные тексты, созданные в просветительских целях в Китае в эпоху Сун (960–1279), в Корее эти тексты были объединены в специальный сборник.

¹² Chung Ahyoung. The Korea Times, Exhibition traces Joseon's reading culture. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/culture/2016/07/148_74476.html (дата обращения 06.03.2018).

¹³ Учебник разговорного китайского языка, впервые напечатанный во времена правления вана Седжона, переиздавался несколько раз с XIV по XVIII в., и даже был переведен на *хангыль* – под каждым китайским иероглифом была подписана транскрипция. Книга состоит из множества диалогов, в основном посвященных поездкам корейских купцов и их родственников в Пекин, ее центральные темы – путь в Китай, торговля, банкеты и медицина.

¹⁴ Учебник китайского языка содержал сведения по обычаям, культуре и быту. Этот учебник не ограничивался торговой тематикой и в более широком смысле касался повседневной жизни.

В состав корейских дипломатических миссий в Китай часто включался сотрудник, ответственный за сбор и составление списка новых слов и грамматических конструкций разговорного китайского языка, которые позже использовались в следующих версиях учебников.

В условиях постоянных контактов с Китаем активизировалась подготовка переводчиков. Поскольку они в социальном плане занимали промежуточное положение между дворянами и простолюдинами (называясь средним классом чжунин), преимущества их профессии были весьма очевидны. Правительство назначало официальных переводчиков на должности дипломатов, аудиторов и сборщиков налогов. Переводчики обладали некоторыми торговыми привилегиями и могли продвигаться вплоть до 3-го ранга в 18-уровневой правительственной иерархии. Возможность выезда за границу и знакомство с иностранными культурами рассматривались как особая привилегия, поскольку во время поездки среди прочих китайских товаров посланцы имели возможность приобрести книги в личное пользование¹⁵.

По мнению корейского философа, педагога и политического деятеля эпохи Чосон Ли И (李珥, 1536–1584, псевдоним Юль Гок), образованные люди обязательно должны были постоянно обращаться к китайским классическим сочинениям – «Четверокнижие» (四書 *Сасо*) и «Пятиканоние» (五經 *Огён*) [Кан, 2015. С. 103].

Наряду с «Великим учением» (*Тэхак*), входящим в «Четверокнижие», было популярно также сочинение «Тэхак хонмун» (大學或問), посвященное анализу тождества-отличия человеческой сущности и природных объектов. По этим произведениям читатели на основе изучения принципов морали и нравственных норм должны были воспитывать в себе конфуцианские добродетели.

Безусловно, в эпоху Чосон книги представляли собой не только интеллектуальную, но и большую материальную ценность. В это время книготорговля не была развита, тиражирование изданий было сопряжено с определенными временными и финансовыми затратами.

В этих условиях многие представители класса янбан стремились иметь дома личную библиотеку. Так, самой крупной частной коллекцией книг в первой половине эпохи Чосон считается собрание Ю Хвечхуна (柳希春, 1513–1577, литературный псевдоним Миам), видного конфуцианского ученого и чиновника высокого ранга. Его собрание составляло около 3500 томов, что является значительной цифрой для XVI в. [Там же].

Как было упомянуто выше, в первой половине эпохи Чосон книжный рынок практически отсутствовал, поэтому для пополнения книжной коллекции образованным людям приходилось искать разные способы. О методах, к которым пришлось прибегнуть упомянутому Ю Хвечхуну при создании своей личной библиотеки, можно достаточно подробно узнать из его дневниковых заметок «Миам ильги»¹⁶.

Ю Чвечхун, будучи крупным сановником, хорошо исполнявшим свои обязанности, нередко удостоивался особой чести получить книги в дар от вана. Пользуясь служебным положением, он мог также получать копии книг при распределении их из центральных административных офисов в провинциальные учреждения или обращаться с просьбами к членам посольской миссии в Китай, чтобы ему купили необходимые издания там. Помимо этого, в дворянской среде существовала традиция дарить книги друг другу или обмениваться ими. Знатный человек мог

¹⁵ Han Seung-dong, Korea Focus, The Secret of Joseon's Success in Foreign Language Education. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105714 (дата обращения 12.03.2018).

¹⁶ Эти подробные записи охватывают период в 11 лет, с 1567 по 1577 гг., и содержат не только ежедневные рабочие отчеты, но также детальные сведения о частной жизни Ю Хвечхуна и его семьи. «Миам ильги» значатся в списке Национальных сокровищ Кореи под номером 260 [Портал Национального культурного наследия Кореи. URL: http://www.heritage.go.kr/heri/cul/culSelectDetail.do?VdkVgwKey=12,02600000,36&pageNo=5_2_1_0 (дата обращения: 22.05.2018)]

позволить себе переписать понравившуюся книгу или поручить это кому-либо из своих подчиненных [Там же].

Подводя итоги, можно отметить, что прослойка грамотных людей в Чосонском обществе была весьма небольшой, и оставалась таковой достаточно долгое время, даже несмотря на появление и распространение национальной письменности. Возможности свободного приобретения книг для личного пользования так же были ограничены. При наличии множества планов и директив свободная рыночная книжная торговля в первую половину эпохи Чосон так и не появилась.

Наиболее распространяемыми видами литературы были классические китайские сочинения – конфуцианские трактаты, книги для начального обучения, труды по истории, земледелию, медицине, праву. Книги часто служили госаппарату как инструмент легитимизации и укрепления власти и использовались как средство для распространения конфуцианства, что накладывало отпечаток на жизнь общества, укрепляя его иерархичность.

Большая часть образованных людей занимала различные административные посты, куда они назначались благодаря знаниям классических китайских произведений. Таким образом, процесс чтения был ассоциативно связан с благородным происхождением, богатством и карьерой. По причине отсутствия книжного рынка и ограничений существовавшей системы тиражирования печатных изданий книги, особенно редкие, представляли большую материальную ценность даже для знатных людей. Людям приходилось прибегать к различным ухищрениям для получения необходимой литературы.

Такая ситуация создавала ореол элитарности и высокой значимости вокруг книжной продукции и всех связанных с ней явлений и процессов. Показательно, что черты подобного отношения можно увидеть и в современной корейской культуре.

Список литературы / References

Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга и социальный прогресс: Пятая всероссийская конференция по проблемам книговедения. М., 1986. С. 122–131.

Barenbaum I. E. Funkcional'nyj podhod i ego primenenie v knigovedenii // Kniga i social'nyj progress: Pyataya vserossijskaya konferenciya po problemam knigovedeniya [The Functional Approach and its Application in Book Science // The Book and Social Progress: The Fifth All-Russian Conference on Problems of Bibliology]. Moscow, 1986, p. 122–131. (in Russ.)

Барсук А. И. Вопросы общей теории книговедения // Книга: Исследования и материалы. Сб. 22. М., 1971. С. 5–34.

Barsuk A. I. Voprosy obshchej teorii knigovedeniya // Kniga: Issledovaniya i materialy. Vyp. 22 [Issues of the general theory of bibliography // Book: Studies and materials. Vol. 22]. Moscow, 1971, p. 5–34. (in Russ.)

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: НГУ, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. илл.

Voytishkek E. E. Game traditions in the spiritual culture of East Asia (China, Japan, Korea). Novosibirsk state university press: Novosibirsk, 2011, 311 p. (in Russ.)

Войтишек Е. Э., Зайкина В. О. Каноны цикла «Сань-бай-цянь» («Три-сто-тысяча») в контексте просветительской литературы старого Китая и их нумерологическое значение // Материалы всерос. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, АмГУ, 2003. С. 176–182.

Voytishkek E. E., Zaikina V. O. Canons of the cycle “San-Bai-Qian” (“Three-hundred-thousand”) in the context of educational literature of old China and their numerological value // Mat. of the conf. “Russia and China on the far Eastern borders”. Blagoveschensk, Amur State Univ. Press, p. 176–182. (in Russ.)

- Курбанов С. О.** Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 680 с.
Kurbanov S. O. Kurs lekcij po istorii Korei: s drevnosti do konca XX v. [The course of lectures on the history of Korea: from antiquity to the end of the 20th century]. Saint Petersburg, 2009, 680 p. (in Russ.)
- Cadavid Francisco.** The Struggle for Literacy in Korea: An examination of literacy and the power of language in Korea, 1392–1945. MARSEA Program, Columbia University: MA Thesis, 2012. 35 p.
- Ebrey Patricia Buckley, Walthall Anne.** East Asia: A Cultural, Social, and Political History. Wadsworth, Cengage Learning, 2014. 575 p.
- Kim Zongsu.** The History and Future of Hangeul. Korea's Indigenous Script. Global Oriental, 2005. 208 p.
- Lee Seongmu.** The Rise of Chungin and their Characteristics // Korea: The Past and the Present (2 vols). Global Oriental, 2008. P. 477–482.
- Nahm Andrew C.** Korea: Tradition and Transformation — A History of the Korean People (second ed.). Elizabeth, NJ: Hollym International, 1996. 631 p.
- Seth Michael J.** A History of Korea: From Antiquity to the Present. Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 552 p.
- Кан Мёнгван.** Чхекполледыль Чосоньль мантыльда [강명관. 책벌레들 조선을 만든다]. Книжные черви создали Чосон. Пхурын ёкса, 2015. 380 с. (на кор. яз.)
Kang Myeongwan. Chekbolledeul Joseoneul mandeulda [강명관. 책벌레들 조선을 만든다]. Bookworms made the Joseon. Pureun Yeoksa, 2015, 380 p. (in Kor.)
- Син Янсон.** Чосон чхоги соджиса ёнгу [조선초기 서지사 연구]. Исследование библиографии начала эпохи Чосон, Хэан, 2012. Т. 1., 254 с., Т. 2, 254 с. (на кор. яз.)
Sin Yangseon. Joseon chogi seojisa yeongu [신양선. 조선초기 서지사 연구]. The study of the bibliography of the early Joseon era, Haean, 2012, Vol. 1, 254 p., Vol. 2, 254 p., (in Kor.)

*Материал поступил в редколлегию
 Received
 20.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Витченко Мария Андреевна, ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, vitchenko89@mail.ru)
Maria A. Vitchenko, assistant of the Chair of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, vitchenko89@mail.ru)